

НАХОДКИ ИЗ НЕНЕЦКОЙ СВЯЩЕННОЙ НАРТЫ В БАССЕЙНЕ р. БОЛЬШАЯ ХЕТА НА ПОЛУОСТРОВЕ ТАЙМЫР

О.Е. Пошехонова, В.И. Семенова

Представлены результаты исследований археолого-этнографической экспедиции ИПОС СО РАН на территории Таймыра. Проанализирован набор вещей из священной нарты ненцев, который датируется временем от XVII в. до первой четверти XX в. Предметы накапливались и складывались в священную нарту длительное время, каждый хранитель добавлял какие-то ценности. Часть вещей была изготовлена самими ненцами, какие-то предметы попали к хранителям по обмену или были куплены. Также по литературным данным и находке из священной нарты выделена серия блях со сложным многофигурным сюжетом, которые были распространены в Сибири в XVII в.

Западная Сибирь, позднее средневековье, новое время, археология, этнография, ненцы, вещи из священной нарты, бляхи с многофигурным сюжетом.

В 2006 г. археолого-этнографическая экспедиция ИПОС СО РАН провела комплексные исследования на территории Красноярского края в бассейне р. Большая Хета (Усть-Енисейский р-н) (рис. 1, 1). На сегодняшний день этот район остается слабо изученным как в археологическом, так и в этнографическом отношении. В результате работ было сделано несколько интересных находок и открытий, собран богатый материал [Квашнин, 2009. С. 102–112]. В ходе исследований было обнаружено поселение Большая Хета 1, осмотрено поселение Большая Хета XVII–XIX вв., атрибутированное как остатки русского острожка [Ткачев и др., 2006], и несколько одиночных и групповых ненецких захоронений наземного типа на реках Большая Хета и Соленая (рис. 1, 2, 3). На поселении Большая Хета 1 было обнаружено несколько неорнаментированных фрагментов керамики. Судя по некоторым особенностям, культурный слой и керамика не синхронны времени существования русского острожка, а относятся к более древним эпохам.

В ходе совместного опроса местного населения от младших членов ненецкой семьи Ямкиных археологами и этнографами была получена информация о так называемой священной нарте. В 1920-е гг. на данной территории войска НКВД охраняли места заключения (например, у фактории Малая Хета) и, помимо прочего, с целью борьбы с культами проводили рейды по ближайшим чумам, в ходе которых изымали все вещи, связанные с шаманизмом. За хранение подобных вещей грозило заключение. При детальном опросе выяснилось, что дед (или, скорее всего, прадед) Ямкиных отвез и оставил в тундре нарты с уложенными на них ценностями. Состав обнаруженных там вещей и их интерпретация опубликованы одним из участников экспедиции Ю.Н. Квашниным [2009. С. 108–109]. При описании им были допущены некоторые неточности и не приведены достаточно существенные детали.

Нарта оставлена в 2 км к востоку от р. Большая Хета, на высокой дренированной террасе, в 1 км к юго-западу от ручья Покойник. Место для схрона прадедом Ямкиных было выбрано очень удачно. На достаточно ровной площадке в зарослях тальника, ольхи и карликовой березки, в извилистой морозобойной трещине, в беспорядке лежали истлевшие доски, фрагменты жердей, отдельные из них явно являлись остатками копыльев (рис. 2). Случайно натолкнуться на это место невозможно.

Среди деревянных фрагментов нарт лежало около 40 изделий различной датировки и культурной принадлежности. Сверху между досок располагалась квадратная жестяная банка с крышечкой из-под чая (17×17×17 см), которую можно датировать концом XIX — началом XX в. На стенках банки и крышке выдавлен растительный и бордюрный орнамент; крышка с ручкой; банка явно фабричного производства. В банке лежало несколько металлических предметов: три железных наконечника стрел, советская монета 1924 (?) г. достоинством 2 коп., железная фигурка (голова оленя), две фигурки животных, связанные кожаным ремешком, и фрагмент цепочки (рис. 3).

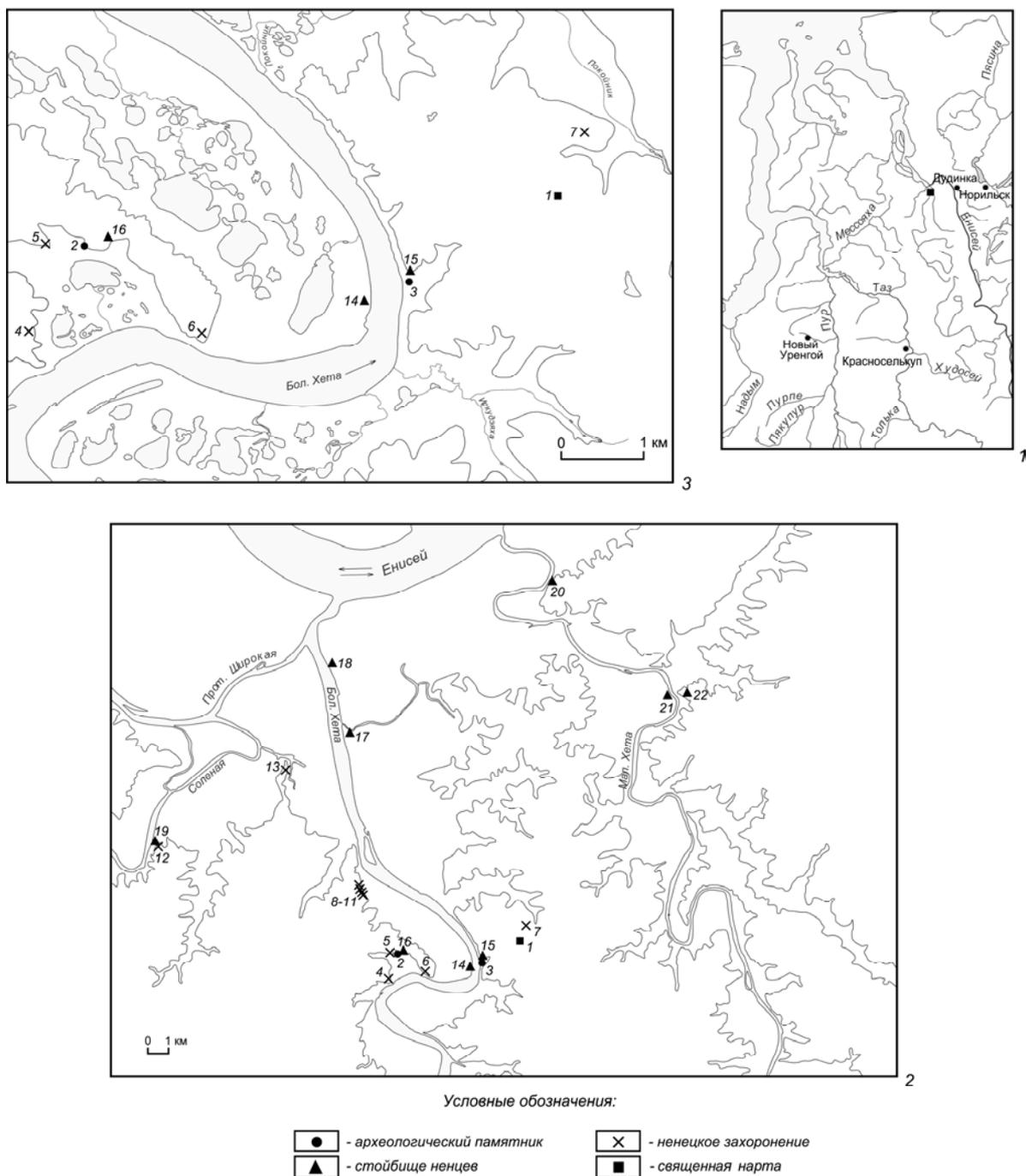


Рис. 1. Обзорная схема расположения священной нарти на территории севера Западной Сибири (1) и карта-схема (2, 3) расположения осмотренных объектов в бассейне р. Большая Хета:

- 1 — священная нарта; 2 — поселение Большая Хета 1; 3 — поселение-острожек Большая Хета;
 4, 5, 7–10, 12, 13 — одиночные ненецкие захоронения; 6, 11 — групповые ненецкие захоронения;
 14, 15 — летнее и зимнее стойбище рыбаков Ямкиных; 16 — временное стойбище оленеводов Ямкиных;
 17 — летнее и зимнее стойбище рыбаков Яптунэ; 18 — летнее стойбище рыбаков Тогу;
 19 — летнее стойбище рыбаков Ямкиных; 20 — летнее и зимнее стойбище рыбаков Яптунэ и Ямкиных;
 21, 22 — летнее и зимнее стойбище рыбаков Ямкиных



Рис. 2. Священная нарта



Рис. 3. Вещи из железной коробки из священной нарты: три железных наконечника стрел; железная фигурка (голова оленя); свинцовые фигурки щуки и росомахи, связанные кожаным шнурком; фрагмент цепочки с кольцом на конце и советская монета 1924 г. (?) достоинством 2 коп.

Наконечники стрел вильчатые с черешком длиной около 20 см (по словам Ямкиных, такие наконечники до недавнего времени применяли для охоты на крупную водоплавающую птицу — лебедя или гуся). Фрагмент цепочки с кольцом на конце, фабричного производства. Голова оленя выполнена из железной пластины, край которой раздвоен. Раздвоенные концы — рога загнуты, и каждый из них перекручен, но не до конца. Фигурки животных — щуки и росомахи отлиты из свинца, лапы, уши и морда росомахи доработаны после отливки. Длина фигурок около 7 см. Фигурки, скорее всего, подвешивались и использовались как обереги.

Также сверху на деревянных фрагментах нарт лежали колокольчики, тарелка, железный капкан на некрупного зверя, железные предметы неясного назначения (длинные полосы шириной около 5 см, толщиной около 5 мм) и два деревянных полоза от охотничьего щита-лата. Металлическая тарелка — хлебница диаметром около 20 см с ажурными бортами советского периода. Латунные колокольчики (2 шт.) с петлей для подвешивания, диаметром около 7 см, высотой около 10 см, выточены на станке. В одном из них прикреплен кожаный шнурок. Колокольчики можно датировать концом XIX — началом XX в. Под фрагментами нарт найдены отдельно лежащие предметы. Деревянная антропоморфная фигурка (хэхэ) высотой около 25 см (рис. 4).



Рис. 4. Деревянная антропоморфная фигурка (хэхэ) из священной нарты

Детали лица фигурки (нос, рот и глаза) выполнены схематично, ноги вырезаны на конце палочки, руки, поднятые вверх, изготовлены из сучков. Возможно, эта фигурка итырма. Отдельная фигурка росомахи отлита из свинца, уши и лапы сделаны после отливки из «защипов». В составе вещей есть каблук, склеенный из нескольких кусков сыромятной кожи, кибас, три железных кольца фабричного производства, скрепленные между собой звеньями от цепочки и советские монеты достоинством 10 и 5 коп. 1924 и 1928 гг. Одна из них (10 коп.) пробита у края и прикреплена к железной цепочке фабричного производства. Также в нарте лежал железный рубильный нож — пальма́ (рис. 5).

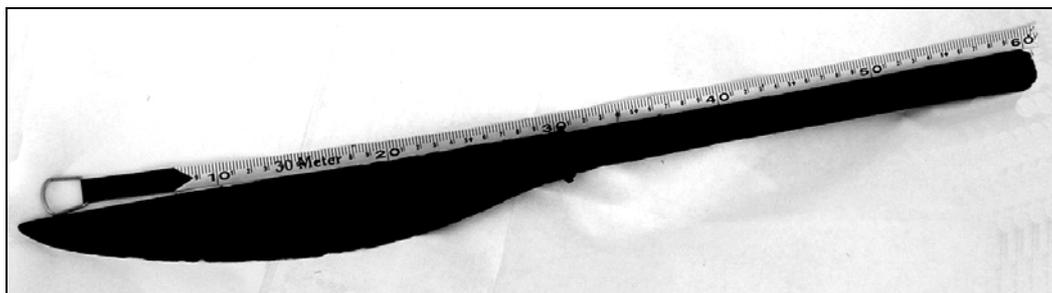


Рис. 5. Железный рубильный нож — пальма́ из священных санок

Длина пальмы вместе с черешком 62 см, длина клинка 32 см. Клинок от черешка отделен выступом для упора древка, которое отсутствовало. Рубильный нож был широко распространен на территории Западной Сибири у позднесредневековых групп и в последующий период. Это было универсальное рубяще-колющее оружие ближнего боя, которое использовалось и на охо-

Находки из ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хета на полуострове Таймыр

те [Соловьев, 1987. С. 77]. Будучи насаженным на древко, он позволял наносить колющие и рубящие удары, заменяя одновременно и палаш (саблю), и копье. Также обнаружен обломанный железный очажный крюк *Ла* (длинная полоса шириной около 4 см с припаянным кольцом).

Среди находок были украшения для женских зимних шапок — две решетчатые подвески из бронзы (высотой 5 и 7 см), одна из них обломлена (рис. 6). Между досок обнаружена плоская подвеска полукруглой формы, с одной стороны орнаментированная (рис. 6). На верхнем крае располагалось навершие с отверстием, к которому тканым шнурком привязаны две пуговицы. Пуговицы железные, полусферической формы, на выпуклой поверхности изображен герб Российской империи. Одна пуговица на ножке, вторая с отверстиями для пришивания. Эта подвеска с пуговицами, скорее всего, использовалась как украшение для костюма.

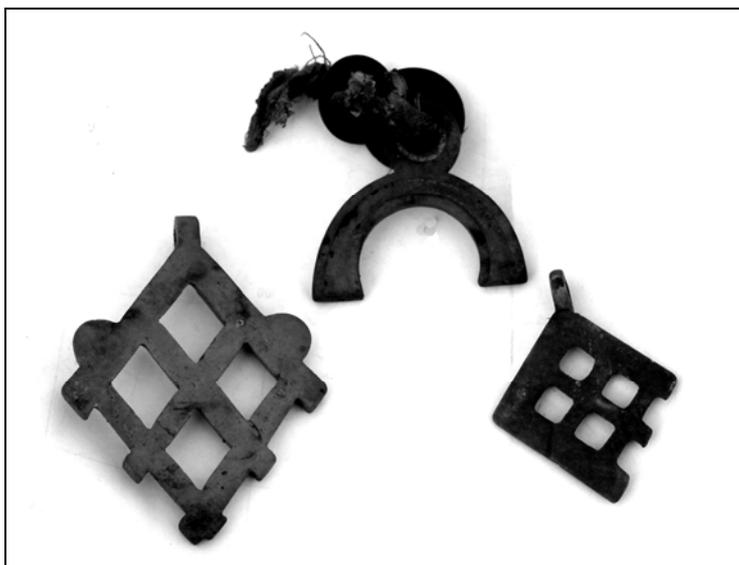


Рис. 6. Подвески из священной нарты: подвеска с пуговицами (бронза и железо) — украшение для костюма; две решетчатые подвески из бронзы — украшения для женских зимних шапок

Самой интересной находкой среди всех этих вещей была бляха (рис. 7). Фрагмент бляхи, завернутый в кусок белой хлопчатобумажной ткани фабричного производства, лежал на доске от разрушенной священной нарты семьи Ямкиных. Бляха представляла собой диск диаметром 14 см, толщиной 0,3 см, отлитый в технике сплошного плоского литья. Обратная сторона бляхи гладкая, отполированная. В нижней части бляхи два аккуратно просверленных сквозных отверстия. Верхний сегмент утрачен.

На оставшейся части бляхи изображены две стоящие фигуры с поднятыми руками (головы остались на утраченной части). Мужчина слева одет в короткий кафтан на одной застегнутой пуговице, под ним видна рубашка с разрезом по центру, заправленная в штаны с поясом. Ноги обуты в сапоги без каблуков, ступни повернуты влево. В правой руке он держит большую рыбу с зубастой пастью (щуку?). Длина рыбы почти в рост человека (до плеча). Фигура справа одета в кафтан до колен с застегнутым разрезом посередине, ноги обуты в сапоги, ступни развернуты вправо. Слева от него изображен в профиль олень. Между фигурами гладкая окружность с тремя круглыми отверстиями. Под ней изображение головы быка. Снизу под описанной группой изображена лодка с тремя сидящими в ней мужчинами. У них европеоидные лица с бородами. На двух на кафтанах спереди видны застёжки и разрезы. Крайний справа мужчина гребет — слева от него весло. Часть весла видна из-за спины средней фигуры. Весь свободный фон бляхи сетчатый. По бордюру, отделенному от изображений гладким валиком, идет растительный узор в виде побега с распустившимися бутонами. Справа и слева от двух стоящих фигур также растительный орнамент. В пространстве между левой фигурой и рыбой виден S-видный росток с листьями, между правой фигурой и оленем — цветок-розетка с листом.



Рис. 7. Фрагмент бляхи из священной нарты

Подобные бляхи-зеркала широко известны на территории Западной Сибири вплоть до Енисея. Их происхождение прослежено от китайских зеркал до их трансформации в популярные подвески, которые крепились к головным уборам, поясам и прочим частям костюма народов Сибири. В основном в литературе описаны бляхи со всадником, кентавром, сценами охоты и пр. [Окладников, 1950. С. 145; Яковлев, 1992. С. 63–65; Малоземова, 2002. С. 11–13]. В данном случае есть основания для выделения еще одной серии блях со сложным многофигурным сюжетом.

Самая ранняя по времени находка опубликована Аспелиным [Aspelin. 1877. С. 101]. В тексте ее местонахождение не указано, есть только подпись «Сибирь» (рис. 8). Известно, что она хранится в Государственном Историческом музее в Москве.



Рис. 8. Бляха, обнаруженная Аспелиным (по: [Aspelin. 1877. С. 101])

Находки из ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хета на полуострове Таймыр

Вторая бляха опубликована А.А. Спицыным [Отчет ..., 1903. С. 122; Спицын, 1926. С. 11] (рис. 9). В тексте указано ее происхождение: близ д. Королек Устьсысольского уезда Вологодской губернии — и аналогии — бляха Аспелина и подобная ей бляха Мессершмита, местонахождение которой неизвестно. А.А. Спицын интерпретировал находку как медный медальон «со сложным изображением из охотничьей и рыболовной жизни, вероятно, позднего шаманского происхождения грубой работы» [1926. С. 11]. В примечаниях есть приписка, что «наряды двух изображенных человеческих фигур — непонятны». Бляха также была передана на хранение в ГИМ.



Рис. 9. Бляха, обнаруженная А.А. Спицыным (по: [Отчет..., 1903. С. 122, рис. 206])

Еще одна бляха с подобным сюжетом происходит из погребения 17 Лукьяновского могильника (Томская обл.) и опубликована А.И. Бобровой [1997. С. 123] (рис. 10).

Не вызывает сомнения, что все эти бляхи составляют серию, восходят к общему источнику и воспроизводят с некоторыми различиями в исполнении один сюжет. Наиболее близкой к таймырской находке является бляха Аспелина. Благодаря ее сохранности можно восстановить всю композицию. У фигуры справа — овальная голова, без волос, черты лица тонкие — удлинённый разрез больших глаз, длинный нос, висячие усы. Хорошо просматривается левая рука, упирающаяся в бок. На кафтане две верхние застёжки с длинными петлицами застегнуты пуговицами, третья расходится (на таймырской видна одна застегнутая пуговица). Под верхним камзолом с широкими в плечах и сужающимися длинными рукавами видна рубашка с застёжками по центру, штаны подпоясаны, не обтягивают ноги, заканчиваются выше колен манжетами (?). Ниже видны чулки и башмаки. В правой поднятой руке — сабля (на таймырской видна только рукоять от нее).

У левой фигуры также овальная голова, но с причёской в виде восьми буклей, глаза миндалевидные, нос прямой, тонкий, длинный. Она также одета в длинный кафтан с застёжками (18 полос с точками (пуговицами?), две нижние без точек — только петлицы) с длинными петлицами по центру от выреза до низа тулова. Штаны заканчиваются под коленями. Левая рука в виде обрубка. В правой руке (без кисти) — чаша, украшенная четырьмя горизонтальными полосами.



Рис. 10. Бляха из Лукьяновского могильника (хранится в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета)

Над головами стоящих фигур — птица с задраным клювом, верхняя часть которого длиннее нижней. Крыло (?) отделено от тулова и выглядит как перевернутое сердечко. Над головой вертикальные штрихи (гребешок?). Хвост метелкой из 5 перьев. Справа от птицы — изображение животного с округло-вытянутыми стоячими ушами, длинной с ноздрями вытянутой мордой. Пасть приоткрыта, передние ноги сдвинуты, задняя нога одна, хвост поджат.

Олень справа, лодка с тремя полуфигурами, бычья голова в центре и рыба у левой фигуры изображены так же, как на таймырской бляхе. Аналогичен растительный орнамент по бордюру. На аспелинской бляхе также сохранился побег над головой большого оленя и 18-лепестковый цветок над правым плечом правой фигуры. Фон аспелинской бляхи, видимо, сетчатый. Внизу и вверху по одному отверстию. Интересно, что бляха расколота на две части почти как таймырская.

Спицынская и томская бляхи также близки друг другу. У них отсутствует бычья морда в центре, совершенно не прочитывается предмет в руке правой фигуры (напоминает колотушку или молот). Маленькое животное над головой правой фигуры явно олень. Растительный орнамент отсутствует. На спицынской бляхе 5 львиных морд (одна на месте морды быка), фигуры без прически (на томской — изображены густые волосы). На обеих бляхах упертая в бок рука левой фигуры не читается. В целом одежда в деталях отличается от одежды на фигурах двух первых блях.

Происхождение блях, несомненно, русское (изготовленная на месте томская бляха имела русский источник). Русские поставляли в Сибирь в XVII–XIX вв. не только бляхи, но и тарелки, очелья и прочее с изображением всадников, зверей и т.д. Олени с древовидными рогами аналогичны изображенному на опубликованных блюдах [Гемуев, Сагалаев, 1986. С. 91, 159]. Исполнение фигур напоминает по стилистике народную деревянную скульптуру Русского Севера [Чекалов, 1974. Ил. 48].

Странность одежды, отмеченная А.А. Спицыным, может помочь в определении даты. Она выглядит на иностранный манер. С одной стороны, напоминает европейский костюм кафтанного типа в талию без воротника, с другой — имеет черты русской ферязи без воротника с суживающимися длинными рукавами, с застежками в верхней части и длинными петлицами. Как известно, постоянные контакты русского населения с иностранцами начинаются в середине

Находки из ненецкой священной нарты в бассейне р. Большая Хета на полуострове Таймыр

XVI в., когда на Севере появляются их колонии. В Холмогорах присутствуют английские фабрики, в Вологде — голландские. Поступление в Россию шведской меди привело к формированию центров медного и оловянного дела в Вологде, Вятке, Великом Устюге [Гончарова, 2000. С. 5]. Вполне возможно, что западная мода повлияла на появление странной смеси «французского с нижегородским» в костюме изображенных фигур на бляхе. Но сам сюжет связан с архаическими народными воззрениями, уходящими в финно-угорский и славянский мир. В частности, на Русском Севере записана легенда о двух жертвенных оленях (ланях), воспринятая от финно-угорского населения [Рыбаков, 1979. С. 8–9]. В русском варианте в день Рождества Богородицы самка оленя ежегодно приводила детеныша, которого закалывали в жертву, а мать отпускали. Но из-за того, что люди обманывали и жадничали, олени перестали выходить из леса и в жертву стали приносить домашний скот. Оленя заменили на быка и пр. Изображение отрубленной головы быка сохранилось на русских полотенцах [Там же. С. 30, 29, рис. 10].

По всей вероятности, бляхи можно датировать XVII в. Таймырскую и аспелинскую бляхи можно датировать по орнаменту растительного бордюра. Подобные плоские побеги-бордюры и сплошное декоративное заполнение пространства фона отростками, усиками, точками, побегими характерны для XVII в. [Постникова-Лосева и др., 2003. С. 73]. Бляха из Лукьяновского могильника происходит из погребения, датированного также XVII в. Косвенным подтверждением датировки таймырской бляхи XVII в. может служить сетчатый фон в медальоне на окладе Евангелия первой половины XVII в. мастера Г. Овдокимова (1632 г.) из собрания Оружейной палаты [Оружейная палата..., 1998. С. 51].

Не исключено, что таймырская бляха попала к Ямкиным из русского поселения-острожка, существовавшего в XVII–XIX вв. на берегу Большой Хеты [Ткачев и др., 2006]. Распространение блях в Сибири также вполне объяснимо, так как изображенные фигуры людей и животных входят в систему охотничьего мировоззрения и без труда вписываются в логику их культуры. Например, как верно было указано А.И. Бобровой, отражают трехчленную вселенную, персонифицированную в обитателях Нижнего (лодка, рыба), Среднего (люди, олени) и Верхнего (птица) миров [Боброва, 1997. С. 126–130].

Таким образом, набор вещей из священной нарты семьи Ямкиных очень разнообразный и датируется временем от XVII до первой четверти XX в. Очевидно, что все предметы накапливались и складывались в священную нарту не одномоментно, а достаточно длительное время. Скорее всего, каждый хранитель нарты добавлял какие-то предметы. Часть вещей была изготовлена самими ненцами (изделия из дерева, фигурки из свинца и железа и др.), какие-то предметы попали к хранителям по обмену или были куплены. По требованию Ямкиных все предметы были оставлены на месте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Боброва А.И. Письмо из средневековья // Земля верхнекетская. Томск, 1997. С. 118–130.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культурные места (XIX — начало XX). Новосибирск: Наука, 1986. 192 с.
- Гончарова Л.Н. Металл в народном искусстве Русского Севера. Чеканка и медное литье. М., 2000. 96 с.
- Квашнин Ю.Н. Особенности развития этнических и социально-экономических процессов в низовьях Енисея в XX — начале XXI в. // ВИАЭ. 2009. № 10. С. 102–112.
- Малоземова О.В. Русские художественные бронзы на севере Западной Сибири // Актуальные проблемы археологии и этнологии Ямала. Салехард, 2002. С. 10–16.
- Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. 1950. № 13. С. 139–172.
- Оружейная палата. М.: Красная площадь, 1998. 288 с.
- Отчет императорской археологической комиссии за 1901 год. СПб., 1903. 197 с.
- Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Т., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. СПб., 2003. 376 с.
- Рыбаков Б.А. Космологическая символика «чуждских» шаманских бляшек в русских вышивках // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 7–34.
- Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири эпохи средневековья. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.
- Спицын А.А. Древности Севера Вологодской, Архангельской, Сев. Двинской губ. и области Коми. Тотьма, 1926. 17 с.

О.Е. Пошехонова, В.И. Семенова

Ткачев А.А., Багашев А.Н, Волков Е.Н. Поселение русских землепроходцев Большая Хета в Красноярском Приполярье // ВААЭ. 2006. №. 7. С. 100–109.

Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974. 191 с.

Яковлев Я.А. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Северо-Западной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 51–68.

Aspelin J.R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877. Vol. 2. 172 p.

Тюмень, ИПОС СО РАН

The article presents the investigation results by the archaeological and ethnographic expedition from the Institute of Northern Development, Russian Academy of Sciences, Siberian Division, on the territory of Taimyr Peninsula. Subject to analysis being a set of articles obtained from the Nenets sacred sledge dated by the time period from the XVIIth century to the first quarter of the XX century. The articles were accumulated and put into the sacred sledge during a long time, with every keeper adding certain valuables. Part of the articles was made by the Nenets themselves, while some of those fell into the keepers' hands through changing and purchasing. Also, basing on literary data as well as on the finding from the sacred sledge, the authors singled out a series of plates with a complex multi-figured plot, popular in Siberia in the XVII century.

West Siberia, late Mediaeval Age, New Time, archaeology, ethnography, Nenets, articles from the sacred sledge, plates with a multi-figured plot.